

ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ

ЯНА ЗАРИНЯ

ЯН ЗАРИНЬ... Это имя, наверное, ничего не говорит читателю. Между тем в среде старых рижских театралов его еще помнят. В годы буржуазного режима в Латвии этот режиссер своими удачными постановками открыл новую страницу в истории театрального искусства Латвии. Он считался крупным знатоком латышской и русской классики.

В сентябре 1944 года Ян Заринь покинул Родину. Каковы мотивы этого поступка, исковеркавшего всю жизнь артиста? Ян Заринь их не скрывает: как и многие другие, он поверил в тот момент лживой фашистской пропаганде...

На днях старый режиссер возвратился в столицу Латвии из Лондона, где провел несколько лет трудной жизни эмигранта. Наш корреспондент беседовал с Яном Зариным, который рассказал о своих злоключениях.

Хождения по мукам начались в Западной Европе в городе Мербеке близ Любека. Там, в тогдашней английской зоне оккупации, собралась небольшая группа профессиональных латышских актеров. Жалкое существование владели эти люди. Их зрителями были обитатели лагерей, совершившие зачастую тяжкие преступления против своего народа.

— Я задыхался в атмосфере безнадежности и злобы, окружавшей меня, — рассказывает Ян Заринь. — Здоровому человеку всегда трудно находиться рядом с агонизирующим, а ведь обитатели лагерей в моральном отношении находились именно на этой стадии. Вот почему я согласился на предложение главарей эмиграции в Англии переехать в Лондон. Внешне это предложение звучало весьма солидно — я должен был «возглавить» культурную жизнь лондонских изгнанников.

Что же ожидало Зариня на этом пути? В 1951—1952 годах в Англии существовало шесть латышских самодеятельных ансамблей.

— Первое время, — вспоминает Ян Заринь, — мне хотелось отдать все силы души, все знания, которые я накопил за свою долгую жизнь, ученикам. Я понимал, что профессиональный театр мне создать не удастся, и часто повторял своим питомцам: если я из вас и не сделаю настоящих актеров, то по крайней мере хоть научу понимать и любить театр. К сожалению, и эту скромную задачу мне не удалось выполнить. От репетиции к репетиции ансамбли таяли. Происходил необратимый процесс окончательного рассасывания латышской эмиграции. С каждым днем исчезали надежды на восстановление диктатуры буржуазии в Латвии, и мои самодеятельные актеры отправлялись на поиски иллюзорного материального достатка в Канаду, Австралию, США.

Три года назад ансамбли распались. Как же реагировали на это печальное собы-

тие те, кто призвал меня в Лондон? Не могу сказать, что оно их сколько-нибудь взволновало. А возможности помочь моему делу у них были. Дело в том, что в Лондоне до сих пор существует, как ни странно, «посольство Латвии», и бывший посол Карлис Заринь, мой однофамилец, имеет доступ к «посольским» денежным фондам. Эти немалые суммы тратятся на приемы, вечера и личные нужды Зариня. Но ни разу ни одному моему ансамблю не дали даже мизерной субсидии. Я добывал средства к существованию работой в книжном магазине. В будущем меня ожидал дом для престарелых. Все чаще и чаще в голову приходила мысль о беспечности дальнейшей жизни на Западе. Вряд ли вы представляете, что такое тоска по настоящей работе, настоящему театру. У англичан нет недостатка в талантах, но я не видел ни одного театра, который мог бы похвастать сильным ансамблем. Зато, помнится, с каким трепетом я посещал в Лондоне гастрольные спектакли МХАТа. В моей памяти вставали 1920—1922 годы. Тогда после двухлетней работы в Театре красных латышских стрелков я учился в одной из студий МХАТа. В 1925 году я вновь приехал в Москву, чтобы от имени театральной общественности Латвии вручить К. С. Станиславскому большой кусок янтаря, найденный актерами Лиепайского театра на берегу моря. С того памятного года жизнь моя посвящена пропаганде системы К. С. Станиславского. Но разве мог я всерьез заниматься творчеством в затхлой атмосфере эмиграции?..

Ян Заринь помолчал, собиравшись с мыслями...

— Мне хочется подвести некоторые итоги, — продолжал режиссер. — Впустую потеряно 18 лет жизни, но зато я понял, что нельзя творить в отрыве от живых истоков родного языка, народного искусства, нельзя ставить хорошие спектакли без чуткой, понимающей, патриотично настроенной публики. И вот я дома. Меня встретили мои старые друзья — народные артисты СССР Альфред Амтман-Бриедит, Янис Осис, Эдуард Смигис, народная артистка республики Анта Клинтс. Я с удовольствием произношу эти почетные звания. Для меня титулы моих друзей еще раз подчеркивают то большое значение, которое придается в Советском Союзе развитию искусства. Министерство культуры республики уже предложило мне интересную работу: как и прежде, я буду ставить спектакли в Академическом театре оперы и балета. Я не молод, но у меня еще достаточно сил, чтобы отблагодарить Родину за снисходительность к заблуждавшемуся человеку, за предоставленную мне возможность вернуться к творчеству.